

БАЛЛАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЮСТИНУСА КЕРНЕРА

© 2009 В.П.Павлючук

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 08.07.2009

В статье рассматриваются особенности лироэпической поэзии немецкого поэта XIX века Ю.Кернера, проблематика и стилистика его баллад и легенд.

Ключевые слова: Немецкая поэзия, Ю.Кернер, баллады, легенды.

Свой расцвет и широчайшее распространение балладный жанр, поставивший в центр действия судьбу личности, получил в эпоху романтизма (Брентано, Шамиссо, Уланд, Гейне). Одним из поджанров баллады стала при этом легенда. Различия между балладой и легендой порой трудноуловимы. Если баллада – лироэпическое произведение с драматической экспрессией и чаще всего трагического содержания, то легенда – менее драматизированное лироэпическое стихотворение о жизни и деяниях святых подвижников либо же героев фольклорного эпоса.

Немецкие стиховеды не так уж часто уделяли внимание балладам и легендам Юстинуса Кернера (1786 – 1862), – может быть, потому, что в количественном отношении удельный вес их в его поэзии сравнительно невелик и исследователям приходится «выуживать» их из массы стихотворений других жанров. Так, в антологический сборник «Большая книга баллад» («Das große Balladenbuch») ¹издания 1965 года, содержащий 193 немецких баллады, не было включено ни одного балладного произведения Ю.Кернера. В исследованиях же немецких стиховедов чаще всего устаиваются внимания лишь не более пяти из них («Der reichste Fürst», «Kaiser Rudolfs Ritt zum Grabe», «Der Geiger zu Gmünd», «Herr von der Heide»).

Между тем балладный жанр, весьма существенный для жанровой системы «Швабской школы» в целом, немаловажен и для поэзии Ю.Кернера. Его балладное творчество отличалось своей спецификой от произведений его друга Л.Уланда – главного «балладника» «Тюбингенского кружка», – отличалось как в количественно-качественном отношении, так и по проблематике. Человек с мистической предрасположенностью души, практикующий врач по профессии, Кернер и как поэт тяготел ко всякого рода болезненным явлениям, к теме смерти и страданий, его занимали вопросы искусства, он искал и находил мистическую активность в окружающих его природных явлениях. «Ради понимания некоторых черт нашего поэта, – пишет исследователь, – стоит подчеркнуть такие его свойства, как

склонность к исследованию темных сторон жизни, тягу (Vorliebe) к призрачному».²

Так, баллада «Водяной» («Der Wassermann») ³, включенная Ю.Кернером в роман «Путевые тени» («Die Reiseschatten», 1808), тематически примыкает к достаточно утвердившемуся в литературе балладному сюжету о покойнике (реже – покойнице), временно принявшем свой прижизненный облик, дабы увлечь с собой в могилу или просто навестить свою возлюбленную (возлюбленного) («Коринфская невеста» Гете, «Ленора» Бюргера, «Свадебная ночь» Эйхендорфа, «Дон Рамиро» Гейне, «Ундина» де ля Мотт-Фуке). Здесь, как и в ряде других баллад Ю.Кернера, использован мотив танца живого с мертвым. Так, в процессе танца Водяной увлекает свою испуганную даму в волны Неккара, танец же станет прологом для гибели жениха и невесты и в балладе «Печальная свадьба» ⁴, в которой великолепно передано ощущение тревоги и приближающейся трагедии. Женится господин Фуггер на фройляйн Кунигунде, но свадьба изначально не заладилась. Бледны и безрадостны жених и невеста, неуютно гостям, которые, танцуя, один за другим спешат покинуть свадьбу, лопаются струны у арфы, и музыканты тоже смущенно уходят, оставляя в пустом зале мертвых жениха и невесту.

Смерть героя становится заключительным аккордом едва ли не всех баллад Ю.Кернера, и причина тому не только в природе баллады как жанра трагического, но и в особенностях мироотношения автора. Так, только догадываться можно о причинах гибели персонажей в «Печальной свадьбе», а в балладе «Девушка на Рейне» («Das Fräulein am Rhein») двойная смерть влюбленных вообще с трудом вписывается в логику сюжета. Девушка, которой предстоит постриг в монахини (постриг, очевидно, насильственный), сообщает об этом милому через почтового голубя, который несколько раз курсирует между молодыми людьми, находящимися по разным берегам Рейна, пока его не

² Grüsser, O.-J. Justinus Kerner (1786-1862): Arzt – Poet – Geisterseher. Berlin: Springer-Verlag, 1987. – S. 13

³ Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsg. mit einer biographischen Einleitung und erläuternden Anmerkungen v. Dr. Josef Gaismaier. Bd. 1. Leipzig: Max Hesses Verlag – S130 – 131).

⁴ Там же. – С. 217 – 218

¹ Павлючук Вера Петровна старший преподаватель кафедры иностранных языков. Vera5519@pochta.ru

¹ Berger K.H., Püschel, W. Zum Geleit // Das große Balladenbuch. – Berlin: Verlag Neues Leben, 1965. – S. 5 – 11

заменяет... ворон, после чего сразу же следует «летальная» концовка:

...Bleich stund der Mond wohl über den Rhein,
Zwei Leichen lagen in seinem Schein⁵

С трудом представляется, чтобы так можно было сказать о трупах, разделенных рекой.

Мотив добровольного ухода из жизни вслед за умершим возлюбленным – главный и в драматической балладе «Видение» («Erscheinung»), тема которой взята Кернером у А.Мицкевича. В структурном отношении она состоит из двух фрагментов: первый из них – монолог повествователя с удивленными вопросами к девушке, заговорившей со слезами на глазах с кем-то, для повествователя невидимым, а второй – взволнованный диалог этой одинокой девушки-сироты с мертвым своим женихом, ощущать присутствие которого способна только она одна:

...Du Geliebter! küß mich, Lipp' an Lippe! - -
Hu! wie kalt muß es im Grabe sein!
Wie! du starbest? - - Ja? schon sind's zwei Jahre!
Lieber! nehme mich mit dir! will sterben Bei dir sterben! - O ich lieb die Welt nicht!⁶

В балладное творчество Ю.Кернера прочно вошла новозаветная проблематика, тема христианской духовности – в католическом ли или же в протестантском ее варианте, – соединившаяся с темами немецкой истории и местных народных преданий. К такого рода балладам относятся «Самый богатый князь» («Der reichste Fürst»), «Розовый куст» («Der Rosenstrauch»), «Скачка короля Рудольфа к могиле» («König Rudolfs Ritt zum Grabe»). В первой из них, лишенной мистической составляющей, речь идет о споре курфюрстов в Вормсе о том, чьи владения богаче. Так, если князь саксонский славил свои серебряные рудники, правитель рейнской области – плодородие своих полей, а король Баварии – богатство своих городов, то Эберхард, курфюрст земли Вюртемберг, увидел главное свое богатство в том, что он сумел снискать к себе любовь народа, что каждому из своих подданных он мог бы доверчиво положить голову на колени. И – как итог спора – князя именно в этом единодушно признают главным богатством любого правителя:

...Und es rief der Herr von Sachsen,
Der von Bayern, der vom Rhein:
Graf im Bart! Ihr seid der reichste,
Euer Land trägt Edelstein!⁷

О всенародной любви к своему правителю повествует и баллада о короле Рудольфе. Узнав от врачей весть о предстоящей ему скорой смерти, престарелый король велит седлать своего боевого коня и скачет со своей боевой свитой в собор города Шпайера, чтоб

помолиться там за свой народ, и не только опечаленные подданные, но и вся природа повсеместно выражает правителю свою любовь:

... Trauend neigt des Schlosses Lind'
Vor ihm ihre Äste nieder,
Vögel, die in ihrer Hut,
Singen wehmutsvolle Lieder.
Mancher eilt des Wegs daher,
Der gehört die bange Sage,
Sieht des Helden sterbend Bild
Und bricht aus in laute Klage...⁸

Целый ряд баллад и легенд с локальными топографическими реалиями повествует о подвигах благочестия, совершавшихся в историческом прошлом родного края, о выдающихся и патриотических деяниях своих земляков, об истории чудесного возникновения тех или иных религиозных учреждений Вюртемберга и прилегающих к нему местностей Южной Германии.

Так, заглавный герой небольшой (5 четверостиший) легенды «Граф Эберхард» – отправившийся на покой израненный и больной рыцарь преклонных лет – вновь обретает силы, чтобы взяться за оружие, едва на его родину нападают враги:

... Zu Stuttgart sitzt er beim Pokal,
Zur Seit' sein rostig Schwert von Stahl,
Der Enzfei trinkt er zu mit Macht
Und stürzt verjüngt sich in die Schlacht⁹

О борьбе со злом на земле повествует легенда Кернера «Святой Альбан» («Sankt Alban»), рассказывающая о подвиге благочестия, совершенном святым, разрушившим сатанинские чары, довлевшие над целым краем, и своими руками уничтожившим образ дьявола – в виде скалы с «сатанинскими» очертаниями, ставшими проклятием для всей горной местности:

...Da kam vom fernen Strande
Sankt Alban, stark und kühn,
Zu diesem wilden Lande
Zu diesem Felsen hin.
Ihn faßt' des Landes Jammer,
Er sprang zum Felsenwall,
Zerschlug mit starkem Hammer
Das Bild, - es fiel mit Schall.
Dankvoll, daß ihm's gelungen,
Kniet' er dort auf den Höh'n,
Der Fels, der war zersprungen,
Ein Kreuz darauf blieb stehn...¹⁰

Еще одна похожая история запечатлена в большом рамочном стихотворении «Основание женского монастыря Лихтенштерн» («Die Stiftung des Frauenklosters Lichtenstern»). Балладная его составляющая представляет собой рефлексии героя-повествователя. Человек преклонного возраста, страдающий от приближающейся слепоты (это стало и уделом самого Ю.Кернера), слышит по ночам грустное звучание эоловой арфы, доносящееся с гор, со стороны руин древнего женского монастыря в окрестностях Вайнсберга:

Zu Weinsberg steht ein Hügel,

⁵ Там же. – С. 181.

⁶ Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden... Bd. 2. Leipzig: Max Hesses Verlag. –S 70

⁷ Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsg. mit einer biographischen Einleitung und erläuternden Anmerkungen v. Dr. Josef Gaismaier. Bd. 1. Leipzig: Max Hesses Verlag–S 98.

⁸ Там же. – С. 168.

⁹ Там же. – С. 178.

¹⁰ Там же. – С. 231 .

Der grauer Vorzeit Trümmer trägt,
In denen Westhauchs Flügel
In stiller Nacht die Harfe schlägt.
Hörst du dies fremde Klingen
Vom Berge durch die Rebenflur,
Fragst du: Woher dies Singen?
Singt ihren Kummer die Natur?¹¹

И слепнувший старик-повествователь вспоминает историю основания и наименования этого монастыря: благочестивая графиня Люттигардис, несчастная узница, заточенная в эпоху разнузданных рыцарских разбоев в подземелье и утратившая там зрение, взмолилась к деве Марии с просьбой вернуть ей хотя бы на мгновение ее угасшее зрение, чтобы она смогла увидеть своих мужа и ребенка, и чудо свершилось: графиня увидела ясную звезду на небе и вновь обрела возможность видеть свет небесный.

...Und dort, wo sie erschaute
Den lichten Stern am Walde fern,
Ein Kloster sie erbaute,
Das hieß zum Dank sie: Lichtenstern¹²...

И тогда рамочный повествователь тоже, в свою очередь, обращается к деве Марии с аналогичной же молитвой:

...Und du, Maria, Reine!
Kommt's, daß mein Auge decket Nacht,
Hier mir in Lieb' erscheine
Und zeig mir eines Sternes Pracht!
Kein Kloster kann ich bauen,
Doch, Mutter Gottes! mein Gesang
Soll tönen lieben Frauen
Zum Preis und Ruhm mein Leben lang!¹³

Ряд легенд Кернера имеет общую сюжетную схему: герой или героиня – обычно благородного сословия – видит во сне некое благодатное видение, тут же слышит голос свыше, призывающий к его воплощению и, пробудившись, с воодушевлением свершает то, к чему он или она были призваны.

Так, к примеру, происходит в легенде «Часовня св. Вальдериха в Муррхардте». Императору Людвигу, опечаленному из-за выпавших на его долю невзгод, является во сне святой старец, склонившийся у подножья креста, вместе с тремя лилиями, цветущими у его ног. И глас небесный велит Людвигу спешить к отшельнику, следовать указаниям святого. Правитель решительно покидает свой мрачный родовый замок Волькенштайн и держит путь в долину, где находит все, что он видел в сновидении: крест, лилии и святого отшельника. Людвиг делится с ним своей печалью, и Вальдерих велит императору срыть и перенести в эту долину свой замок и основать здесь церковь:

...Drauf schwand dahin der heil'ge Greis,
Ihn fand nicht mehr des Kaisers Blick,
Doch blieben die drei Lilien weiß,
Doch blieb das Kreuz im Tal zurück.

¹¹ Там же. – С. 123.

¹² Там же. – С. 125.

¹³ Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsg. mit einer biographischen Einleitung und erläuternden Anmerkungen v. Dr. Josef Gaismaier. Bd. 1. Leipzig: Max Hesses Verlag–S 125 – 126

Der fromme Ludwig ließ sobald
Abtragen seinen Wolkenstein,
Er setzt' ihn aus dem düstem Wald
Zu Tal in Mond- und Sonnenschein.
Zur Kirche ward er umgebaut.
Beim Kreuze kniet von dieser Zeit
Duldsam der Kaiser, bald vertraut
Mit des Erlösers höhern Leid.¹⁴

В легенде «Основание монастыря Хирзау»¹⁵ благочестивой богатой вдове (Reich, fromm vor andern Frauen) Хелисене также привиделась в сновидении благодатная долина с тремя соснами, растущими из одного корня, с живительным источником, плещущимся в их подножье, и с церковью (Dom, Gotteshaus), парящей в небесах над местностью как еще не реализованное видение. И голос свыше велит и этой героине искать долину и строить здесь собор (einen Dom), что та и делает:

...Die Fraue kann nicht länger stehn,
Zu den Bäumen muß sie eilen,
Ein heil'ger Hauch tät sie umwehn,
Da möcht' sie ewig weilen.
Sie leget ab ihr Feierkleid,
Blumen und Edelsteine,
Den heiligen drei Bäumen weihet
Ihr zeitlich Gut die Reine.
In stiller Demut ging sie aus,
So stille kehrt sie wieder,
Und setzet hier das Gotteshaus
Aus Himmelshöhen nieder.¹⁶

Существенную роль в балладах Ю.Кернера играет образ богородицы как эманация женственности и нравственного начала, как источник божественной благодати и побудительный мотив для жертвенных подвигов. Так, ей посвящает все свои деяния заглавный герой «Легенды о графе Монфоре фон Ротенфан». За честь святой Марии этот рыцарь сражается в далеких краях, ради чести девы Марии он возвращается на родину, ради чести же девы Марии и всех женщин вернувшегося Монфора умоляют защитить честь королевы, обвиненной королем в супружеской измене. И честь девы Марии была, наконец, причиной, почему герой поднял перчатку вызова, брошенную королем в толпу рыцарей:

«...Gern kämpf' ich um der Frauen Ehr', zu Erlangen
Mariens Huld»¹⁷.

В этом стихотворении есть ряд темных мест, мешающих понять логику сюжета. Так, судя по неопределенному артиклю (...Vor eine Königsburg er kam...), можно предположить, что королевский двор, при котором странствующему графу пришлось с ходу защищать честь королевы, ему неизвестен, увиден им впервые, а в таком случае реалии сюжета представляются не во всем логичными – ведь его, незнакомца, изначально встречают как поборника чести девы Марии.

¹⁴ Там же. – С. 250.

¹⁵ Там же. – С. 124 – 152.

¹⁶ Там же. – С. 154

¹⁷ Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsg. mit einer biographischen Einleitung und erläuternden Anmerkungen v. Dr. Josef Gaismaier. Bd. 1. Leipzig: Max Hesses Verlag–S 73

Второе соображение касается действий короля. Почему-то заподозрив супругу в измене, король вызывает на рыцарский поединок не конкретно того, кто, как он подозревает, мог быть его соперником, а все рыцарское сообщество, перчатка вызова брошена в толпу, «на предьявителя», и поднимает ее тот, кого единственного следовало бы исключить из числа подозреваемых (ведь Монфор едва успел появиться при дворе). Со второго же удара его меч сражает короля, и вся земля в великом ликовании, – видимо, очень уж непопулярен был в стране правитель:

...Ein froher Schall erhob sich drauf, erscholl zum blauen Meer,
Die Vögel flogen von der Lind' und sangen rings die Mär'...¹⁸

И заканчивается «Легенда» той же темой девы Марии. В награду за освобождение от ревнивого мужа королева отдает рыцарю самое дорогое, что у нее было, – вуаль Пречистой девы:

...Einen Schleier barg die Königin, die war ihr teuer sehr,
Der heil'gen Jungfrau Schleier war's, gesandt ihr übers Meer.
Den Schleier sich der Graf erbat, er barg ihn auf der Brust,
Er trug ihn also Tag und Nacht, versunken ganz in Lust.
Er trug ihn also Tag und Nacht wohl über Land und Meer,
In Lieb' und Weh' er bald verschied, kam nach Montfort nicht mehr.¹⁹

Тонкое лирическое вчувствование в состояние души юной девы Марии, еще не богородицы, еще не обожествленной людьми и даже не успевшей еще получить от ангела благовести о будущем рождении Христа, но уже предчувствующей тяжесть предстоящих ему страданий, характеризует две строфы стихотворения «Мария»²⁰. Тема благотворного влияния девы Марии на людские дела звучит и в балладе «Умри, любовь и радость!» («Stirb, Lieb' und Freud'»), в которой речь также идет о чудесном благотворном вхождении богородицы в судьбу юной экзальтированной девушки, пожелавшей посвятить свою жизнь служению Богу.

О чуде, сотворенной святой Цецилией, повествует баллада «Скрипач из Гмюнда». В стародавние времена жители городишка Гмюнда построили великолепную церковь в честь своей покровительницы святой Цецилии и установили в ней изукрашенную серебром и золотом статую этой святой.

...Schuh aus reinem Gold geschlagen,
Und von Silber hell ein Kleid
Hat die Heilige getragen:
Denn da war's noch gute Zeit.²¹

В один прекрасный день в церковь зашел нищий скрипач, пришедший из другого города, и с помощью скрипки сумел столь живо «рассказать» святой о своих несчастьях, что та, улыбнувшись, бросила ему с правой ноги свою золотую туфельку. Однако горожане не поверили рассказу скрипача о чуде и судья, недолго думая, обвинил молодого человека в краже туфельки. Обвинил и приговорил к казни. Но по пути на висели-

цу приговоренный испросил разрешения сыграть в последний раз на своей скрипке, и ему даже было позволено поиграть на ней в церкви святой Цецилии. Каково же было удивление присутствующих, когда святая, растроганная бедами скрипача, улыбнулась ему со своей высоты и сбросила ему туфельку и с левой ноги тоже.

Voll Erstaunen steht die Menge,
Und es sieht nun jeder Christ,
Wie der Mann der Volksgesänge
Selbst der Heil'gen teuer ist.²²

Чудесное происшествие послужило для горожан решающим доказательством невинности молодого человека, и он был торжественно отпущен. И хотя церковь святой Цецилии уже давно превратилась в руины, в традициях города Гмюнда стало с тех пор приветствовать в своих стенах любого скрипача, в каком бы возрасте он ни был и как бы бедно он ни был одет.

Подобно лироэпическим произведениям с темой подвига, есть общий сюжетный стержень и в ряде баллад с темой нечистой совести и утверждения необходимости праведного образа жизни, наказания злодея за совершенное им преступление. Так, наказанию злодея-преступника уделено внимание в таких балладах Ю.Кернера, как «Замолкшая мельница»²³, «Хозяин степи»²⁴.

Первая из них – «Die Mühle steht stille» – примыкает к целому ряду балладных сюжетов в литературе разных народов, разрабатывающих тему неизбежности кары за злодейство, даже совершенное без свидетелей. Народная мудрость свидетельствует о невозможности скрыть от судьбы ничего, о чуде неожиданного воздаяния. Об этом так или иначе свидетельствуют: сцена «Мышеловки» в шекспировском «Гамлете», «Ивиковы журавли» Ф.Шиллера, «Солнце выведет на свет» А.Шамиссо, «Возмездие» А.Дросте-Хюльсхоф, «Лорд Уильям» Р.Саути («Варвик» В.А.Жуковского), «Женит» А.С.Пушкина, «Тростник» М.Ю.Лермонтова. Нередко убийство происходит на почве ревности, как в английской фольклорной балладе «Биннори» («Три сестры» В.А.Жуковского).

Начало баллады Ю.Кернера о «замолкшей мельнице» заставляет вспомнить начальные строчки гетевского «Лесного царя»:

Herr Irrwing reitet nachts durchs Tal der Mühle,
Ein Lichtstrahl folgt ihm und ein Windhauch kühle.
Herr Irrwing denkt: das ist des Mondes Licht;
Da haucht es hohl: «Der Mondstrahl redet nicht!»
Die Mühle steht stille.
Herr Irrwing denkt: das ist des Baches Tönen!
Da haucht es hohl: «Vom Bach aus Blut und Tränen!»
Herr Irrwing spornt sein Roß zu schnellem Lauf,
Doch plötzlich geht ihm inneres Schauen auf.
Die Mühle steht stille...²⁵

¹⁸ Там же. – С. 74

¹⁹ Там же. – С. 74

²⁰ Там же. – С. 141

²¹ Там же. – С. 219

²² Там же. – С. 219

²³ Там же. – С. 88 – 90

²⁴ Там же. – С. 196 – 197

²⁵ Там же. – С. 88

Привидение, устремившееся вслед за скачущим по долине путником и первоначально принятое тем за лунный блик, оказывается духом Эльзбет, покойной жены местного мельника, безнаказанно убитой мужем, пожелавшим ввести в дом более молодую избранницу. Дух несчастной жертвы жалуется оробевшему путнику на свою несчастную долю, рассказывает о судьбе оставшегося сиротой ребенка и просит о справедливом возмездии для мужа-убийцы. Чтобы вывести злодея на чистую воду, дух покойницы просит Ирвинга вложить ей в разбитый мужем и разверстый череп свое золотое кольцо, которое после эксгумации трупа должно будет выкатиться (и, конечно, впоследствии выкатится) из пробоины в голове как доказательство совершенного убийства.

Если в этом готическом стихотворении вина злодея страшна и очевидна, то о причине наказания заглавного героя баллады «Хозяин степи» («Herr von der Heide»), включенной Ю.Кернером в его роман «Путевые тени», можно лишь догадываться. Уже из первых ее строф становится известно о предстоящей казни заглавного героя. Его ведут к «колесу» стражники в сопровождении летящих за ним четырех воронов, и приговоренный просит птиц доставить весть о его казни его легкомысленной жене, отправившейся в это время «ради времяпрепровождения» (zum Zeitvertreib) в морскую поездку со своим новым воздыхателем:

...Hört an! o hört an, ihr Vögel schwarz,
Da in der blauen Höh!
Seid ihr von meinem Fleische satt,
Erzählt's der Frau zur See!²⁶

Стилистика фольклора ощутима здесь и в разговорности интонаций (основа баллады диалогическая), и в образах четырех воронов как вестников смерти, и в жутковатом готическом антураже (вороны сбрасывают вдове на корабль части трупа ее мужа), связанном с темой едва ли не неизбежной для фольклорного произведения смерти неверной жены в финале:

...Leis' streift das Schiff durch die grüne See,
Der Mond durch den Himmel blau –
Tot liegt im Arme des Galans
Herrn von der Heidens Frau²⁷

Наказание за некую вину, в тексте стихотворения также не названную, несет и граф Аспер из одноименной баллады.²⁸ Герой возвращается из военного похода и на подъезде к своему замку останавливается у лесного колодца (ein Bronn), чтобы утолить жажду. Но вместо свежей воды в выгашенном им железном ведре оказывается маленький гном (ein Zwerglein), посланец вездесущего подземного мира, который и увлекает графа с собой в глубину колодца:

...Steig ein, steig ein, du Recke kühn!
Dein begehrt mein Herr zur Stunde!
Graf Asper kehrt nicht mehr zur Burg. –

Dampf tönt es in dem Grunde...²⁹

Скелет несчастного графа будет впоследствии вытаскен из колодца в том же ведре монахиней из соседнего монастыря, также пришедшей к источнику, чтобы испить водицы.

Эта ранняя баллада, тоже включенная Кернером в его роман «Путевые тени» (1808), также несет в себе элементы фольклорной стилистики. Они обнаруживаются в диминутивных словоформах (Waldvögelein, Zwerglein), в случаях синтаксической инверсии (Saß auf dem Baum ein Waldvögelein; / Wollt' kühlen Trunk sich langen), в непосредственной апелляции повествователя к слушателям (Hört an, o hört an! Was sich begab / Da bei demselben Bronne). Колодец, ставший местом казни для героя, вовсе не простой источник, от него изначально исходит аура угрозы и опасности: он вытесан в скале в мрачном лесу, его ведро приковано гремющей железной цепью, он много сотен саженей глубиной (Der Bronn viel hundert Klafter tief / In Felsen gut gehauen).

Наказание небесное – за нечестивый образ жизни – постигло и персонажей баллады о четырех безумных братьях («Die vier wahnsinnigen Brüder») ³⁰ Будучи неоднократно предостерегаемы – покойным отцом, соседями, церковным хором – о неизбежности загробной кары за земные прегрешения, братья всю жизнь цинично игнорировали все предупреждения. И постигло их то, что после одного особенно богохульного проступка – они ворвались в церковь, обзывая прихожан собаками, а пение церковного хора «сатанинским» – братья в одночасье все разом обезумели и со временем утратили человеческий облик. Немота сковала их языки, и лишь в полночь разверзаются на время их прежде нечестивые глотки, чтобы без конца повторять полатыни ту предостерегающую формулу, с помощью которой люди пытались вернуть их на путь истинный:

...Ausgetrocknet zu Gerippen,
Sitzen in des Wahnsinns Haus
Nun die vier, – von ihren Lippen
Geht keine Rede aus,
Sitzen starr sich gegenüber,
Blickend immer hohler, trüber.
Doch schlägt Mitternacht die Stunde,
Sträubet sich ihr Haar empor
Und dann tönt aus ihrem Munde
Jedesmal in dumpfem Chor:
Dies irae, dies illa
Solvat secla in favilla.³¹

Темой наказания нечестивца за вероломство завершается и баллада Ю.Кернера «Кольцо» ³², главным действующим лицом которой выступает сам хозяин ада. Это достаточно безыскусная сказка о черте, пришедшем в облике благородного человека к королю и спровоцировавшем правителя своим невиданной красоты бриллиантом на агрессивные действия против

²⁶ Там же. – С. 196

²⁷ Там же. – С. 197

²⁸ Там же. – С. 143 – 144

²⁹ Там же. – С. 144

³⁰ Там же. – С. 72 – 74

³¹ Там же. – С. 74

³² Там же. – С. 171 – 172

своей личности, за что «агрессор» и был незамедлительно наказан. И бриллиант, и весь двор вместе с королем был тут же поглощен адским пламенем.

Если в этой балладе вымысел очевиден, поскольку налицо поэтика фольклора, то сюжетный стержень легенды «Святая Регисвинд фон Лауфен» задокументирован исторически. Речь в ней идет об убийстве ребенка, о том, как зло порождает еще большее зло. Рыцарь грубо избил за какую-то провинность свою служанку, а та в отместку утопила в реке его маленькую дочку, поманив ее за собой тремя душистыми розами. К убийце потом придут муки раскаяния и будут ее терзать «многие столетия» (...*Sie irt so viele hundert Jahr, kann ruh'n kein einzigmal...*), но не она, а маленькая утопленница здесь главная фигура повествования, поскольку тело маленькой мученицы стало источать ароматы роз – но только не в присутствии рыцаря-отца, развязавшего вакханалию насилия:

...*Manch Mutter kniet' mit ihrem Kind auf Regiswindes Gruft,
Doch wenn Herr Ernst, ihr Vater, kam, entstieg ihr Rosenduft.
Seitdem erscheint zur Todesnacht gar manchem frommen Kind
Bekränzt mit duft'gen Röslein rot, die heil'ge Regiswind*³³

Нередко баллады и легенды Ю.Кернера начинают с указаний на топографию мест, связанных с очередным – чаще всего достаточно сказочным – сюжетом, на географические пункты, где будет разворачиваться очередное действие, на время действия. Так, в балладе «Граф Ольбертус фон Кальв» («*Graf Olbertus von Calw*») топография выводится уже с самого названия:

*Bei Calw, in jenen Gaun,
Die Württemberg man nennet,
Wo man viel Sagen kennet
Von Rittern und von Fraun,
Da liegt in Waldes Schoß
Ein alter Bau verstecket,
Jahrhunderte bedecket
Von Efeu und von Moos...*³⁴

Хозяин замка, благочестивый рыцарь фон Кальв на склоне лет решает отказаться от всех своих богатств, от условий постыдной для него праздной жизни его сословия и, оставив все свое достоинство в наследство жене, погрязшей в безбожии и бытовом комфорте (*in üpp'ger Pracht; niemals an Gott gedacht*), уходит и от жены, и из дома. Познав в свое время богатство, он хочет познать еще и бедность. Избавляясь от богатств, неудачу терпит он лишь с обручальным кольцом, снять которое с пальца ему никак не удается, поскольку то будто приросло к пальцу. Став пастухом в Швейцарии, граф ведет нищенскую жизнь и в нищенском же одеянии и умирает. И лишь теперь кольцо само скатывается с его мертвого пальца: смерть не только освобождает Ольбертуса от обручального кольца, но и переносит кольцо – причем в буквальном смысле слова – неверной жене в день и час, когда та обручается с другим.

...*Die Saiten springen laut*

*Von Harfe und von Leier,
Und an das Herz dem Freier
Sinkt tot die üpp'ge Braut*³⁵.

Есть в поэзии Ю.Кернера ряд стихотворений балладного типа, не поддающихся однозначному анализу. Так, в балладе «Эльзбет»³⁶ речь идет о долголетних мучительных и в конечном итоге увенчавшихся успехом поисках австрийским ландграфом своей дочери-наследницы, сбежавшей от двора и окунувшейся в более привлекавшие ее жизнь и заботы мещанского сословия.

В балладе «Два гроба» повествуется о соседстве погребения короля Отмара с гробом певца, чья арфа как символ искусства противопоставляется мечу короля как символу войны и власти.

В четырех строфах стихотворения «Анна Фёгли» звучит настоятельное предупреждение ведьме об опасности попасться на уловку к дьяволу:

...*Ja, bei solchem Höllenspiel
Ist er keck vor dir getreten;
Anna Vögty! Anna Vögty!
Lehrte Mutter dich nicht beten?*³⁷

Тема баллад «Верный конь»³⁸ и «Фогельвайд»³⁹ – верность «братьев наших меньших» человеку. Во второй из названных баллад обыгрывается имя знаменитого немецкого миннезингера, которое можно ведь перевести как «пастбище для птиц». Герой баллады всю жизнь подкармливал птичек, у которых он учился петь, и они после его смерти слетаются петь на его могилу.

Не все баллады и легенды Ю.Кернера равноценны в художественном отношении. Иногда автор нарушал меру художественности за счет чрезмерного нагнетания ужасного, ряд его балладных сюжетов не выдерживает экзамена на логичность, однако в целом лиро-эпика Кернера составляет немаловажную составляющую художественного мира этого значительного немецкого поэта середины XIX столетия.

³⁵ Там же. – С. 106 – 107

³⁶ *Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden...* Bd. 2. Leipzig: Max Hesses Verlag. S. 45 – 47

³⁷ Там же. – С. 119

³⁸ *Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsg. mit einer biographischen Einleitung und erläuternden Anmerkungen v. Dr. Josef Gaismaier.* Bd. 1. Leipzig: Max Hesses Verlag. S. 148 – 149

³⁹ *Kerner, J. Sämtliche Werke in vier Bänden...* Bd. 2. Leipzig: Max Hesses Verlag. S. 41 – 42.

³³ Там же. – С. 213

³⁴ Там же. – С. 104

Y.KERNERS BALLADS

© 2009 V.P.Pavlyuchuk^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article deals with the peculiarities of the epic poetry by the German poet of the XIX century Y.Kerner, with the problems and style of his ballads and legends.

Key words: German poetry, Y.Kerner, ballads, legends.

---

^o *Pavlyuchuk Vera Petrovna, Senior Lecturer of the Foreign Languages department. Vera5519@pochta.ru*